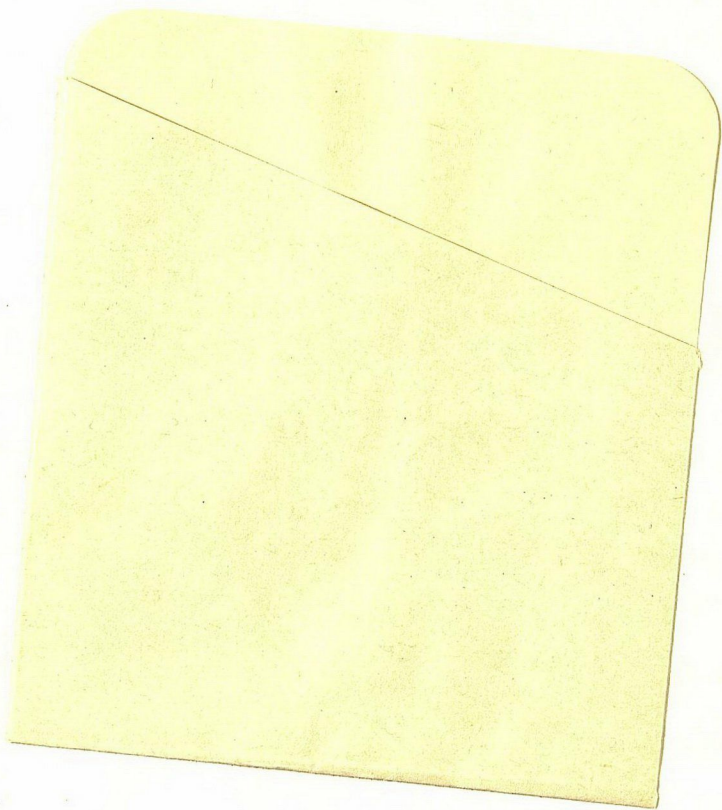

XVI $\frac{69}{14}$

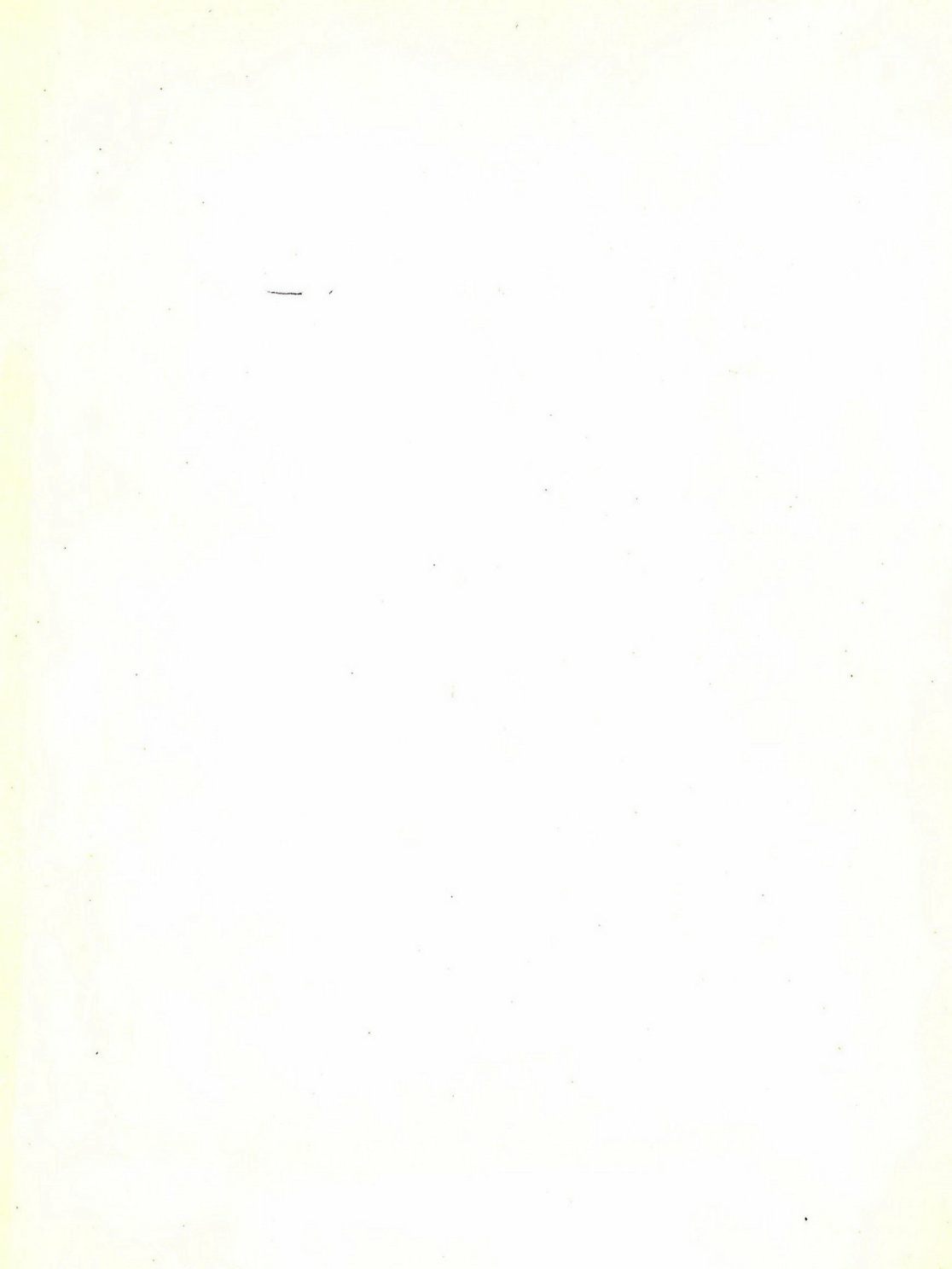
1909

N 9-16

СТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ

№ 9.
1 МАЯ
1909 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ IV.

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

С.-Петербургъ, Площадь Маринскаго театра, 6.

А. Куприна. „Слонъ“ разсказъ для дѣтей съ иллюстраціями. Цѣна **25** к.

Н. Манасеина. Разсказы для дѣтей. Съ иллюстраціями художниковъ: *Т. Гилтйусъ, В. Замирайло, А. Линдемманъ, А. Мурашко, М. Сабашниковой, П. Соловьевой, (Allegro) и Е. Чичаговой.* Цѣна въ переплетѣ **1** р. **50** коп.

П. Соловьевой (Allegro). „Елка“. Стихи для дѣтей, съ рисунками автора, *Т. Гилтйусъ* и др. Цѣна въ переплетѣ **1** р., въ обложкѣ **50** к.

Анатолий Франсъ. „Пчелка“. Сказка. Переводъ *Н. Манасеиной.* Съ иллюстраціями. Цѣна **25** коп.

М. С. Безобразовой. „Исторія одного воробья“. Съ рисунками. Цѣна **25** к.

В. П. Поливанова. „Воронъ“—„Индѣйцы“. Съ иллюстраціями. Цѣна **25** к.

Новыя изданія журнала „ТРОПИНКА“.

В. Малахѣва-Мировичъ. „Золотой домъ“. Разсказы для дѣтей съ иллюстраціями. Цѣна въ переплетѣ **1** р. **50** к., въ обложкѣ **1** р.

О. Бяльцкая. „Капелъ“. Стихи. Цѣна въ переплетѣ **75** к., въ обложкѣ **40** к.

„Семилѣтня“. Народныя сказки въ пересказѣ *П. Соловьевой (Allegro).* Съ рисунками. Цѣна въ переплетѣ **80** к., въ обложкѣ **50** к.

Джэкъ Лондонъ. „Букъ“. (Исторія одной собаки). Переводъ *Н. Манасеиной.* Съ рисунками. Цѣна въ переплетѣ **75** к., въ обложкѣ **40** к.

Allegro. Открытки въ краскахъ. „Дѣти зимой“. Серія въ 12 открытокъ высылается черезъ редакцію за **40** к., подписчикамъ „Тропинки“ за **25** к.

Н. Манасеиной. „На Рождествѣ“. Три разсказа для дѣтей съ рисунками: *Т. Гилтйусъ, Г. Нарбута и П. Соловьевой.* Цѣна въ переплетѣ **80** к., въ обложкѣ **50** к.

П. Соловьевой (Allegro). „Свадьба Солнца и Весны“. Пьеса въ стихахъ, съ рисунками. Цѣна **20** к.

П. Соловьевой. „Первое Апрѣля“. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Цѣна **15** к.

На выставкѣ «Искусство въ жизни ребенка» журналъ «Тропинка» получилъ за свои изданія малую золотую медаль.

Выписывающіе книги и открытки черезъ редакцію, за пересылку не платятъ.

1909 годъ.

XVI 09
14

Апрель № 9. -16

V - VIII

3/11 33.16

ЖУРНАЛЬ

ТРОПИНКА.

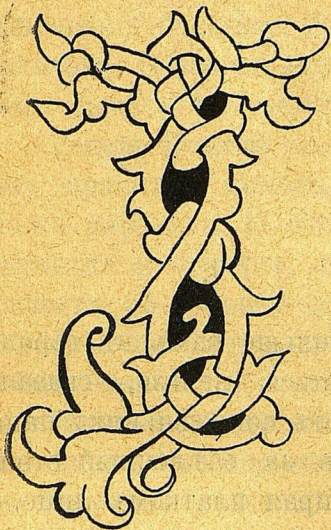

Содержаніе.

1. Майскій лѣсъ—стихотвореніе *О. Бялевской.*
2. Поѣхали!—разсказъ *Н. Шапиръ.*
3. Гости—*Чужъ-Чуженина.*
4. Синяя птица (по Метерлинку)—*З. Венгеровой.*
5. Полканъ—сказка *гр. А. Н. Толстого.*
6. Кукушка и Сорока—стихотвореніе *Allegro.*
7. Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ—*Льюиса Кэрролла.* (Продолженіе).
8. Море—Мишлэ. Переводъ *П. С.* (Продолженіе).
9. Вѣсти отовсюду.
10. Народныя загадки.
11. Шарады.

Майскій лѣсъ.

ОПИТЬ солнце послѣднiя льдинки
На просохшей полянкѣ лѣсной;
Настъ листвы прошлогодней тра-
винки
Прокололи зеленой иглой.

Вылѣзають пушистыя ушки
Изъ пригрѣтой, размякшей земли;
Затолклись чуть замѣтныя мушки,
Золотые жучки поползли.

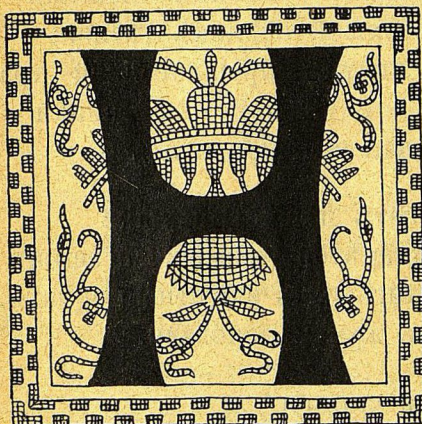
Юркихъ ящерокъ мѣдныя спинки
Между камней пригрѣтыхъ шуршать;
Подъ кустомъ, въ озеркѣ мочежинки.
Головастиковъ стайки кишать.

Свѣжи сосенъ и елокъ мутовки
Между остововъ рощи нагой,
И качаются тихо головки
Нѣжныхъ вѣтрениць въ чащѣ лѣсной.

О. Бѣляевская

Поѣхали!

I.

БТЬ, больше вамъ въ городѣ оставаться нельзя,—сказаль въ этотъ понедѣльникъ папа, садясь за обѣденный столъ и обтирая платкомъ лицо.— Поѣзжайте хоть послѣ завтра одни, безъ меня. Билеты я вамъ достану. Такая жарича сегодня — терпѣнья нѣтъ.

Ландышей на улицахъ сколько угодно. Вѣдь все ужъ уложено, Соня?

— Конечно, уложено. Теперь еще должны завтра пальто Кисаньки принести.

— У меня пальто свѣтлое! Съ бархатомъ!—заерзала на стулѣ Кисанька, поставивъ локти на столъ.—А въ каждой пуговкѣ—зеркальцо маленькое...

— Сиди, какъ слѣдуетъ! Бшь, Кисанька,—сказала со строгостью мать, еще молодая женщина, съ крѣпко зачесанными кверху свѣтлыми волосами.—Хочешь еще, Петя, полькотлеты?

Петя—гимназистъ: розовый онъ и гладкій — пріятно

смотрѣть. Онъ во второмъ классѣ. А напротивъ сидитъ Коля. Ему только 7 лѣтъ, до гимназіи еще далеко. Волосы у него причесаны гладко, гладко, но на самой маковкѣ торчитъ хохолокъ. И всегда этотъ хохолокъ у мальчиковъ, а они этого сами даже и не знаютъ.

Теперь Коля за столомъ сидитъ смирно и не ѣсть ничего. Ему нравится думать, что эта столовая и все кругомъ—каютѣ парохода. И всѣ они: мама съ папой, толстая Алида, Кисанька и братикъ, столъ съ бутылками и рояль—все это плыветъ по большой рѣкѣ. Потому-то и такія веселыя, неподвижныя пятна отъ солнца на столѣ и на полу; а за занавѣсками сине-голубое небо. Два года назадъ Коля уже ѣздилъ съ отцомъ и Петей къ нимъ въ деревню, и цѣлыхъ два дня они ѣхали паромомъ по Волгѣ. Волга—страшная рѣка, а на паромѣ—весело, какъ нигдѣ. Теперь, услыхавъ, что ѣдутъ послѣ-завтра,—онъ и совсѣмъ повѣрилъ, что все это—паромъ, и ему захотѣлось ѣсть.

— Мамочка, дай полъ-котлеточки! Полочки, котлеточки!.. Полочки, а на полочкѣ—котлеточки!—заболталъ онъ по своему обыкновенію.

— Ты будешь трусить на паромѣ, Коля?—присталъ къ нему, ни съ того, ни съ сего, старшій Петя.— Думаешь, сейчасъ качать начнетъ? Ничего—пусть покачаетъ, какъ слѣдуетъ. Паромъ у насъ высокій будетъ. На паромѣ не страшно: вездѣ висятъ резиновые пояса. Называются „спасательные круги“. Съ ними въ водѣ стоять можно! Мама, мы всѣ поѣдемъ?

— Кто столько шумитъ, тотъ и не поѣдетъ,—сказалъ отецъ, накладывая себѣ зеленыхъ, мокрыхъ листьевъ салата.

— У-у-у!—загудѣлъ Коля, представляя большой паромъ на водѣ.

А Кисанька сидѣла тихонько надъ своей котлеткой и на всѣхъ радостно смотрѣла. Впередъ она думать не умѣла еще и про послѣ-завтра ничего не думала: точно это и не она поѣдетъ.

Всѣ развеселились за столомъ. Только толстая нѣмка Алида сидѣла злая, надувъ губы, надъ маленькой Кисанькой. Въ деревню она не ѣхала. И, значить, завтра ей нужно изъ дома уходить.

II.

Пришло и послѣ-завтра. Сегодня среда — сегодня ѣхать! Съ утра въ домѣ возня: встали такъ рано, какъ будто боятся, что часы вдругъ побѣгутъ, побѣгутъ — и убѣгутъ отъ нихъ, вмѣстѣ съ поѣздомъ, раньше времени. Теперь все ужъ почти готово. Лиза и няня-кухарка укладываютъ провизию въ корзину: жирные пирожки съ мясомъ и капустой, двѣ жареныя курицы, холодныя, плоскія котлеты, крупныя яйца, апельсины, жестянку кремъ-брюле. Вѣдь ѣхать далеко: до парохода почти сутки, и по Волгѣ еще два дня и ночь. Большія вещи стоятъ готовыя, увязанныя: корзина и сундукъ. Они дорогу знаютъ въ деревню, были ужъ тамъ не разъ. Потому у нихъ и видъ такой солидный и спокойный. А между вещами, по брошеннымъ веревкамъ, ходитъ Колинъ любимецъ Малюсикъ, пестро-сѣрая, съ бѣлымъ и чернымъ кошка. Съ огромными, круглыми глазами, желтыми, какъ крыжовникъ. Малюсикъ знакомится съ новыми вещами: нюхаетъ осторожно солому и рогожки, тревожно задираетъ при этомъ хвостъ и выгибаетъ блестящую спинку.

Петя съ самаго утра ужъ готовъ: у него черезъ плечо кожанная сумочка, настоящая для путешествій; панталоны засучены въ голенища, шапка холстяная, суроваго цвѣта—

никакого дождя не боится. Господи, хоть бы поскорѣ ѣхать! Вѣдь все готово,—онъ уже давно въ фуражкѣ.

Кисанька, въ новомъ свѣтломъ пальто, сидитъ смиренно на стулѣ. Ей все равно, она не торопится. Горничная Лиза суетится, сердится—а на передникѣ у нея четыре карманка, и на рукѣ колечко со свѣтлымъ стеклышкомъ.

Вотъ папа съ мамой ушли въ кабинетъ: сейчасъ, значитъ, ѣхать. Папа сегодня опоздаетъ на службу, ѣдетъ провожать. Мама съ сумочкой, въ старой, сѣрой юбкѣ и въ густомъ, густомъ вуалѣ вышла оттуда. Вотъ всѣ ужъ въ передней, а Коля побѣжалъ еще прощаться съ Малюсикомъ. Кисанька на рукахъ у Лизы, чтобы на лѣстницѣ всѣхъ не задерживала. Господи! опять садятся всѣ въ прихожей: такъ ужъ полагается передъ дорогой. Петя чуть не плачетъ. Слава Богу—сидятъ одну только минуту. Вотъ и всѣ на лѣстницѣ. Свѣтъ, гулъ. И папа сзади хлопнулъ дверью. Поѣхали!

III.

Вагонъ давно трясется и стучитъ, точно все сходитъ съ рельсъ. Ужъ больше часа, какъ отѣхали отъ Петербурга. У нихъ цѣлое отдѣленіе—два дивана. Съ одной стороны сидятъ мама и Лиза, а въ серединѣ—Кисанька. На другомъ диванѣ—Петя и Коля. Коля съ самаго начала прилипъ носомъ къ стеклу и смотритъ, не отрываясь. И страшно за него—какъ бы у него въ головѣ не свихнулось что нибудь: столько времени смотреть на быстро пролетающіе за окномъ домики, деревья, телеграфные столбы.

Петя въ окно не смотритъ: вотъ еще, не интересно! Онъ досталъ маленькую записную книжечку, которую ему подарили, и записываетъ въ нее адресъ своего лучшаго друга—Лебедева Ивана: они стоворились писать другъ другу лѣтомъ.

Вагонъ все время трясется и Петя еле-еле выводитъ карандашомъ. „Если-бы здѣсь устроить классъ чистописанія“, думаетъ онъ, „никому бы не получить больше кола“.

Коля оторвалъ наконецъ приплюснувшійся носъ отъ стекла.

— Мама, я ѣсть хочу.

— Господи! Всего то часъ, какъ отъѣхали,—удивляется усталая, серьезная мама.

— Правда, и я голоденъ,—говоритъ Петя, съ удовольствіемъ пряча карандашъ и книжечку въ сумку, которая виситъ у него черезъ плечо.

— И я.. Куричку!—И Кисанька стала дергать большую руку Лизы и смотрѣть въ глаза мамы. Нечего дѣлать. Лиза полѣзла и достала съ высокой полки заманчивую корзинку. Поѣли всѣ немножко. Крошки собрали и выбросили за окно. У всѣхъ теперь троихъ во рту по свѣжей парѣ карамели кремъ-брюле. Кисанькѣ надолго хватить—будетъ сосать потихоньку; а Коля уже схрустилъ всю и еще проситъ.

А за окномъ солнце къ полудню пробилось сквозь тонкія, сѣрыя тучи и громадныя, свѣтлыя лучи опустились на скромныя, весеннія нивы, на кочки болота, на какую-то старушку, которая идетъ себѣ внизу по тропинкѣ, рядомъ съ высокой насыпью, гдѣ мчится поѣздъ.

— Мама, куда эта старушка идетъ? спрашиваетъ Коля; онъ уже снова прилипъ носомъ къ стеклу.

— Идетъ къ себѣ въ деревню.

— Нѣтъ,—говоритъ Коля медленно.—Это она идетъ на богомолье, въ святыя мѣста. А иначе бы она сѣла тоже къ намъ въ поѣздъ.

Дальше онъ уже самъ себѣ рассказываетъ про старушку—и смотритъ, скашивается, пока еще видно ее изъ-за несущагося, трясаго стекла. „Вотъ старушка идетъ“, говоритъ

онъ себѣ. „Ужь вечерь—а она все идетъ. На поляхъ темно и страшно, и лѣсъ близко. Все кочки, да пни! Но старушка ничего не боится: у нея въ рукѣ зажать крѣпко-прекрѣпко кипарисовый, душистый крестикъ, защита отъ дикихъ звѣрей и злыхъ людей. Вотъ ужъ и солнце опять взошло,—больно смотрѣть, а она даже и не уснула ни на минуту: не успѣла. Не замѣтила, какъ и ночь прошла. Вотъ — большая деревня. У избушекъ заваленки. „Присядь, старушка, у насъ на заваленку — отдохни“, говорятъ ей. „Нѣтъ, что вы, что вы! Вы сидите себѣ, если хотите, а я иду на богомолье. Богомолка я“. Вотъ идетъ она къ большой рѣкѣ—синяя, широкая. А черезъ нее желѣзный, высокій мостъ. Подходить старушка и крестится, а сторожъ говоритъ: „нельзя на мостъ. Слышишь—я тебѣ говорю! Ступай кругомъ“. „Что ты, что ты“, говоритъ старушка. Мнѣ нужно къ святымъ мѣстамъ. Богомолка я“.— „Ну, проходи тогда“, говоритъ сторожъ, „только скорѣй“. Слава Богу — прошла мостъ. Идетъ дальше. Обгоняетъ тутъ старушку телѣга съ воронимъ конемъ; а тамъ сидитъ ямщикъ, въ ямщицкой шляпѣ, съ павлиньими перьями. „Хочешь, бабушка, далеко подвезу? У меня быстрый конь!“ — „Нѣтъ, спасибо, что-то не хочется. Я лучше пройдуся“. А дальше что? А дальше опять идетъ старушка полями. Вотъ утро. И увидела она наконецъ вдали святыя мѣста: крестъ на крестѣ! Горитъ такъ, что смотрѣть больно! И свѣтло все впереди, и розово, точно святая заря на землѣ. И опустилась старушка на колѣни и заплакала отъ радости, что увидела наконецъ святыя мѣста...“

Гости.

— Стукъ!.. стукъ!..

— Кто тамъ?

— За работу, старые! за игры, малые! День идетъ, свѣтъ несетъ!

Кряхтятъ, поднимаются, водой плещутся, мыломъ мылятся, на солнце глядятъ, жмурятся..

— Охъ, охъ!..

— Кто тамъ?

— Нужда пришла, мѣшокъ принесла,—дырявый, лохматый, по міру ходить, голову клонить!..

За двери хватаются, на замки запираются, отъ свѣта ставнями прикрываются, а Нужда черезъ трубу въ избу..

— Хо-хо!..

— Кто тамъ?

— На минутку Радость залетѣла, погостить захотѣла!..

Замки прочь, всѣ двери въ распорку, тараканъ—и тотъ полнѣть сталъ, съ радости усы закручиваетъ, кума въ гости кличетъ; да некогда куму—плясать пошелъ..

— Эй, вы!..

— Кто тамъ?

— Богатство лѣзетъ, въ передній уголъ претъ!..

Честь и мѣсто гостю сильному: всѣ двери настежь, всѣ окна въ растворку, всѣ ставни съ петель, всѣ заслонки прочь; колѣни сами сгибаются, гостя въ передній уголъ ведутъ.

— Донъ!.. донъ!..

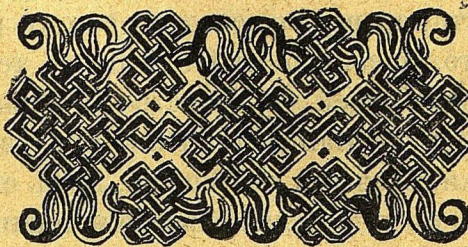
— Кто тамъ?

— Смерть пришла!..

Всѣ дыры законопатели, все тряпье поистратили, всѣ щелки мазями-помадами запомадили, снадобьями-лекарствами всѣ столы заставили, крестнымъ знаменемъ отгородилися, а душа сама изъ тѣла вонъ...

Чужь-Чуженинъ.

Синяя птица.

(Окончаніе).

Котъ, тайно враждующій противъ дѣтей, уговариваетъ ихъ тайкомъ отъ Свѣта, пойти поискать Синюю Птицу въ лѣсу. Самъ онъ отправляется предупредить деревья, что придетъ Тильтиль, который можетъ высвободить изъ нихъ души посредствомъ своего алмаза и заставить ихъ выдать ему Синюю Птицу. Онъ объясняетъ, что тогда всѣ деревья и животныя очутятся во власти человѣка, а затѣмъ совѣтуетъ воспользоваться приходомъ мальчика и его сестры и убить ихъ. Такъ какъ они придутъ безъ Свѣта, то это вполне возможно. Дѣти приходятъ вмѣстѣ съ Псомъ, и Котъ льстиво привѣтствуетъ ихъ; онъ говоритъ, что они навѣрное найдутъ здѣсь Синюю Птицу и только совѣтуетъ убраться подальше Пса, боясь, что вѣрный

другъ дѣтей защитить ихъ. Тильтиль готовъ прогнать Пса, но этого не допускаетъ Митиль, которой страшно безъ него. Тильтиль поворачиваетъ алмазь, и тогда изъ всѣхъ деревьевъ выходятъ ихъ души. Тильтиль видитъ душу Дуба,—слѣпого старца съ сѣдой бородой. У него на плечѣ сидитъ Синяя Птица, и Тильтиль проситъ, чтобы Дубъ отдалъ ее ему. Тогда Дубъ рассказываетъ, сколько зла надѣлалъ отецъ мальчика, дровосѣкъ, всѣмъ деревьямъ, сколько сотенъ родственниковъ онъ убилъ у него, древняго Дуба. Если же теперь человекъ завладѣетъ Синею Птицей, то рабство деревьевъ сдѣлается еще болѣе тяжелымъ. Напрасно Тильтиль увѣряетъ, что у него нѣтъ никакихъ злыхъ намѣреній; Дубъ его не слушаетъ. Тѣмъ временемъ къ деревьямъ присоединяются души животныхъ: лошади, вола, быка, коровы, волка, барана, свиньи, козы, осла и медвѣдя. Дубъ объясняетъ имъ цѣль созваннаго собранія: нужно избавиться отъ мальчика, пока еще не поздно. Песъ начинаетъ безпокойно огрызаться, и тогда Тильтиль, по наущенію Кота, и не понимая, кто его истинный другъ, а кто льстивый врагъ, велитъ Плющу связать Пса своими цѣпкими плетями. Песъ долженъ покориться и только предупреждаетъ Тильтиля, чтобы онъ берегся, такъ какъ противъ него замышляютъ худое. Всѣ животныя и деревья начинаютъ совѣщаться о томъ, какъ убить дѣтей. Тильтиль не понимаетъ, о чемъ они говорятъ, но чувствуетъ, что ему грозитъ опасность. Деревья боятся взять на себя убійство дѣтей и сваливаютъ другъ на друга эту тяжелую задачу. Дубъ отказывается подѣлать предлогомъ старости. Сосна говоритъ, что даетъ доски на гробики дѣтямъ и съ нея этого довольно. Тополь увѣряетъ, что онъ простуженъ. Тогда за дѣло берутся животныя. Медвѣдь и свинья нападаютъ на Тильтиля сзади. Тильтиль, понявъ наконецъ, что онъ среди враговъ, храбро

защищается и въ отчаяніи зоветъ на помощь Пса. Песъ рываеъ на себѣ пути, прибѣгаетъ и помогаетъ мальчику удержаться противъ деревьевъ и животныхъ. Къ счастью, въ это же время появляется душа Свѣта и полагаетъ конецъ борбѣ. Она велитъ Тильтилю быстро повернуть алмазь. Онъ слушается, и души деревьевъ и животныхъ возвращаются въ Молчаніе и Тьму. Душа Свѣта объясняетъ Тильтилю, что въ ея отсутствіи опасно будить Стихи и животныхъ; они могутъ оказаться побѣдителями. Котъ старается скрыть свое участіе въ мятежѣ и жалуется, что ему сломали лапку. Одинъ только Песъ понимаетъ, что Котъ хитритъ; онъ обѣщаетъ расправиться съ нимъ.

Дѣти не нашли Синюю Птицу ни въ Странѣ Воспоминаній, ни въ Царствѣ Ночи, ни въ лѣсу. Тогда душа Свѣта, по требованію феи, приводитъ дѣтей на кладбище, говоря, что Синяя Птица находится, будто-бы, тамъ. Она спрятана въ одной изъ могилъ; нужно только узнать, въ которой. Свѣтъ требуетъ, чтобы дѣти остались одни на кладбищѣ, не позволяя быть при нихъ даже вѣрному Псу. Свѣтъ, Хлѣбъ, Сахаръ, Вода и Песъ уходятъ, и дѣти остаются одни. Митиль страшно, и она все спрашиваетъ Тильтиля, каковы собственно покойники. Тильтиль говоритъ, что ихъ нечего бояться; ровно въ полночь онъ поворачиваетъ алмазь. Могилы раскрываются; изъ нихъ поднимаются цвѣты и образуютъ дивный волшебный садъ, гдѣ на деревьяхъ радостно и весело поютъ птицы.

— Гдѣ же мертвые?—спрашиваетъ Митиль.

— Мертвыхъ нѣтъ,—отвѣчаетъ Тильтиль.

Дѣти очутились въ царствѣ Будущаго, въ громадныхъ залахъ лазурнаго дворца, гдѣ ждутъ нерожденные. Тамъ множество дѣтей въ длинныхъ лазурныхъ одеждахъ, и они заняты приготовленіемъ того, что будутъ дѣлать на землѣ.

Тильтиль и Митиль входят туда въ сопровожденіи Души Свѣта, которая надѣется найти въ лазурномъ царствѣ Синюю Птицу. Тильтиль заводитъ разговоръ съ лазурными дѣтьми, которые спрашиваютъ его про жизнь на землѣ. Его слова ихъ удивляютъ, они не знаютъ, что такое богатые и бѣдные, не знаютъ, что такое умирать, не знаютъ, что такое слезы. Тильтиль объясняетъ все это, такое простое для земныхъ дѣтей, а лазурныя дѣти за то показываютъ ему разныя диковинки: летательныя снаряды, необыкновенно душистыя цвѣты и поразительныя плоды, говоря, что все это будетъ на землѣ, когда они родятся, каждый со своимъ изобрѣтеніемъ. Тильтилю показываютъ разныхъ дѣтей, говоря, что одинъ изъ нихъ принесетъ на землю чистую радость, другой найдетъ огонь, отъ котораго на землѣ будетъ всегда тепло, а третій побѣдитъ смерть. Къ Тильтилю и Митиль подбѣгаетъ еще одинъ лазурный ребенокъ, сообщаетъ, что онъ ихъ будущій братецъ, спрашиваетъ, хорошо ли дома и добрая ли мама.

Бесѣда земныхъ дѣтей съ обитателями лазурнаго царства прерывается появленіемъ суроваго старца. Это Время. Старецъ становится у дверей и созываетъ дѣтей, которыя должны спуститься на землю. Онъ очень строгъ и пропускаетъ только тѣхъ, для кого пробилъ часъ рожденія. Въ двери стараются пробраться тѣ, для которыхъ чередъ еще не насталъ: иные же, которымъ пора родиться, ни за что не хотятъ спускаться на землю. Но время посылаетъ ихъ силой. Кромѣ того, строгій старецъ не пропускаетъ никого съ пустыми руками. Каждый долженъ принести на землю какую-нибудь мысль, какое-нибудь дѣло, хорошее или дурное. Наконецъ, Время всѣхъ собрало, и они отплываютъ. Издали слышны радостныя звуки, которыми новорожденные привѣтствуютъ землю. Выпроводивъ всѣхъ, Время замѣчаетъ дѣтей и Свѣтъ и гонитъ ихъ. Но

Огонь, Хлѣбъ, Вода, Сахаръ, Тильтиль и Митиль на сценѣ
Московскаго Художественнаго театра.

Душа Свѣта шепчетъ Тильтилю, что она захватила съ собой Синюю Птицу, спрятавъ ее подъ своимъ плащемъ.

Дѣти вмѣстѣ со всей своей свитой подходятъ къ стѣнѣ, въ которой продѣлана маленькая дверь. Душа Свѣта говоритъ имъ, что это стѣна ихъ дома. Тильтиль радуется и хочетъ побѣжать поздороваться съ матерью, но Свѣтъ проситъ его подождать: наступилъ часъ прощанья всѣхъ предметовъ съ дѣтьми. Синяя Птица не найдена. Птица Воспоминаній сдѣлалась черной; птица Будущаго сдѣлалась розовой; птицы Ночи умерли, а птицу Лѣса не удалось поймать. Теперь время прошло, и дѣти должны вернуться домой. Всѣ трогательно прощаются съ Тильтиль и Митиль. Хлѣбъ говоритъ имъ, что хотя они не услышатъ болѣе его голоса и не будутъ видѣть его душу, но онъ все же всегда будетъ возлѣ нихъ за ѣдой, такъ какъ онъ самый вѣрный другъ человѣка. Вода говоритъ, что всегда будетъ съ ними въ кувшинѣ, въ колодецѣ, въ кранѣ. Сахаръ тоже нѣжно прощается съ ними. Среди трогательнаго прощанья вбѣгаютъ Песъ и Коть, затѣявшіе драку, но Свѣтъ унимаетъ ихъ, рассказавъ, что наступилъ часъ прощанья. Песъ въ отчаяніи, а Коть говоритъ, что любить дѣтей—на сколько они этого заслуживаютъ. Бьютъ часы; Тильтиль и Митиль входятъ въ домъ.

Дѣти просыпаются. Комната ихъ такая же, какъ была, но она кажется имъ болѣе веселой и красивой. Мать будитъ дѣтей, но они, проснувшись, говорятъ что-то непонятное, рассказываютъ про путешествіе, увѣряютъ, что видѣли дѣдушку и бабушку, что съ Рождества не были дома. Мать пугается и думаетъ, не больны ли они, и не послать ли ей за докторомъ. Въ это время входитъ старушка сосѣдка, похожая на фею, и дѣти увѣрены, что она именно и есть фея Берилюна. Тильтиль извиняется, что не нашелъ Синюю Птицу. Мать

жалуется, говорить, что дѣти ея больны и потому болтають такой вздоръ. Но сосѣдка говорить, что и съ внучкой ея это случается: заснетъ въ лунномъ лучѣ и тоже говорить со сна что то непонятное. Внучка ея теперь очень больна, и одно только, что могло бы утѣшить ее—это, если бы Тильтиль далъ ей свою птичку. Тильтиль соглашается и снимаетъ клѣтку со скворцомъ. Вдругъ онъ видитъ, что птичка сдѣлалась совершенно синей.

— Да вѣдь это та Синяя Птица, которую мы искали, — говоритъ онъ. — Мы такъ далеко ходили за ней, а она тутъ. — Онъ даетъ ее сосѣдкѣ для ея внучки и сосѣдка быстро уходитъ. Тильтиль и Митиль оглядываютъ свой домъ и имъ кажется, что все стало болѣе красивымъ. Они видятъ собаку Тило и кошечку Тилеть, и здороваются съ ними. Они смотрятъ на хлѣбъ, огонь и воду и чувствуютъ, что они стали имъ родными, хотя уже голоса ихъ не слышно. Дѣти кружатся по комнатѣ, и когда мать хочетъ ихъ остановить, отецъ говоритъ:

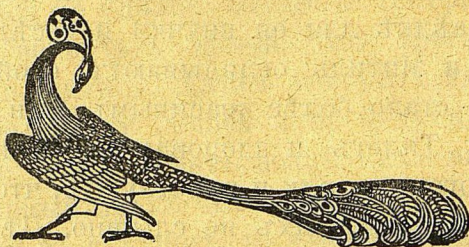
— Оставь ихъ, не безпокойся: они играютъ въ счастье.

Раздается стукъ въ двери, и входитъ сосѣдка съ красивой дѣвочкой. Это ея внучка, которая сразу встала здоровая съ постели, какъ только увидѣла Синюю Птичку. Тильтиль говоритъ, что дѣвочка совсѣмъ похожа на Душу Свѣта, и подойдя къ дѣвочкѣ, спрашиваетъ, довольна ли она птичкой. — Достаточно ли она синяя? — спрашиваетъ онъ и прибавляетъ, что самъ видѣлъ совсѣмъ синихъ птицъ, но ихъ нельзя поймать. Тогда они начинаютъ вдвоемъ кормить птичку, но дѣлаютъ это неумѣло. Птичка вырывается у нихъ изъ рукъ и улетаетъ. Дѣвочка плачетъ отъ отчаянія, но Тильтиль обѣщаетъ поймать птичку. Онъ обращается ко всѣмъ дѣтямъ и проситъ, если кто найдетъ Синюю Птичку, вернуть ее ему. Она нужна для того, чтобы быть счастливымъ.

Всѣмъ нужна Синяя Птица. Она означаетъ свѣтъ и радость, которую каждый человѣкъ можетъ найти, если будетъ сердцемъ искать ее, то есть, если научится любить всѣхъ и все на свѣтѣ. Тильтиль и Митиль Синяя Птица только приснилась—и все же, когда они проснулись, имъ показалось, что ихъ бѣдный домикъ сдѣлался совсѣмъ другимъ, прекраснымъ. А если наяву поймать ее, то есть, если научится любить, то вся жизнь станетъ новой, прекрасной и счастливой.

Зин. Венгерова.

Полканъ.

НА весеннемъ солнышкѣ грѣется песь Полканъ.

Морду положилъ на лапы, пошевеливаетъ ушами—отгоняетъ мухъ.

Дремлетъ песь Полканъ, за то ночью, когда на цѣпь посадятъ, не до сна.

Ночь темна, и кажется все—крадется кто-то вдоль забора. Кинешься, тявкнешь,—нѣтъ никого.

Или хвостомъ по землѣ застукаетъ, по-собачьи; нѣтъ никого, а стучаетъ...

Ну, съ тоски и завоешь, и подтянетъ вонъ тамъ, за амбаромъ, зальется чей-то тонкій голосъ.

Или надъ повѣтью глазомъ подмигивать начнетъ, глазъ круглый и желтый.

А потомъ запахнетъ подъ носомъ волчьей шерстью.

Пятишься въ будку, рычишь.

А ужъ жулики—всегда за воротами стоять, всю ночь.

Жулика не страшно, а досадно—зачѣмъ стоитъ.

Чего-чего не перевидишь ночью-то... охо, хо...

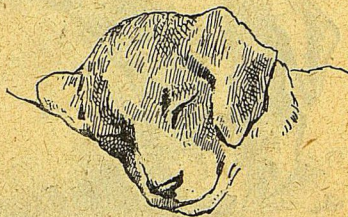
Песъ долго и сладко зѣвнулъ и по пути щелкнулъ муху.

Поспать бы.

Закрывъ глаза, и представилась псу свѣтлая ночь.

Надъ воротами стоитъ круглый мѣсяцъ — лапой достать можно. Страшно. Ворота желтыя.

И вдругъ, изъ подворотни вы-
сунулись три волчьихъ головы, облизнулись и спрятались.

И представилась псу свѣтлая ночь.

„Бѣда“, думаетъ песъ, хочетъ завывать и не можетъ.

Потомъ три головы надъ воротами поднялись, облизнулись и спрятались.

„Пропаду“, думаетъ песъ.

Медленно отворились ворота, и вошли три жулика съ волчьими головами.

Прошлись кругомъ по двору и начали все воровать.

— Украдемъ телѣгу,—сказали жулики, схватили, украли.

— И колодезь украдемъ,—схватили, и пропаль и журавль, и колодезь.

А песъ ни тявкнуть, ни бѣжать не можетъ.

— Ну,—говорятъ жулики,—теперь самое главное!

„Что самое главное?“ подумалъ песъ и въ тоскѣ упалъ на землю.

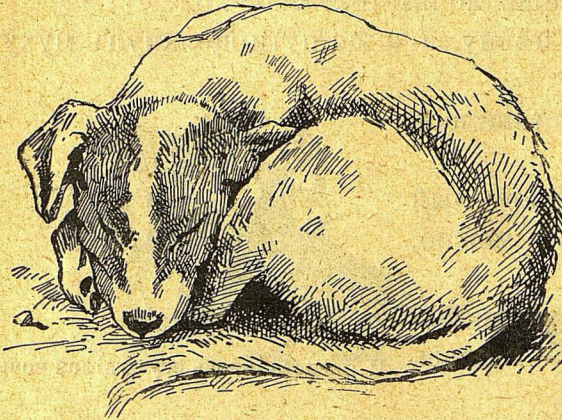
— Вонъ онъ, вонъ онъ, — зашептали жулики.
Крадутся жулики ко псу, присѣдаютъ, въ глаза глядятъ.
Со всею силою собрался песъ и помчался вдоль забора,
кругомъ по двору.

Два жулика за нимъ, а третій забѣжалъ, присѣлъ и
ротъ разинулъ. Песъ
съ налета въ зубастую
пасть и махнулъ.

— Уфъ, афъ, тяфъ,
тяфъ...

Проснулся песъ... на
боку лежитъ и часто,
часто перебираетъ но-
гами.

Вскочилъ, залаялъ,
подбѣжалъ къ телѣгѣ,
понюхалъ, къ колодцу
подбѣжалъ, понюхалъ —
все на мѣстѣ.

А песъ ни твякнута, ни бѣжать не можетъ.

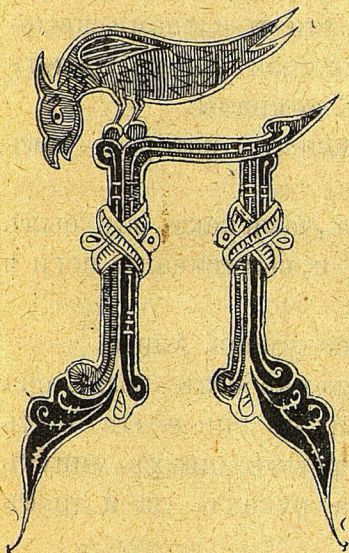
И со стыда поджалъ песъ Полканъ хвостъ да бокомъ
въ конуру и полѣзъ.

Рычалъ.

Гр. А. Н. Толстой.

Кукушка и Сорока.

КУКУШКА.

ОЛЕЧУ я на рѣку,
Ку-ку!
Тамъ я сяду на суку,
Ку-ку!
Чѣмъ развѣять мнѣ тоску?
Ку-ку!

СОРОКА.

Не свила себѣ гнѣзда,
Да, да!
И не вывела дѣтей,
Ей, ей!
Такъ и нечего кричать,
Чать, чать!

Allegro.

Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ.

(Продолженіе).

— Послушайте! Можете понянчить его немного, если хотите!—сказала Герцогиня Алисъ и съ этими словами швырнула ей ребенка.—Мнѣ надо пойти приготовиться къ крокету у Королевы,—и она быстро вышла изъ комнаты.

Кухарка бросила ей вслѣдъ кастрюльку, которая, какъ разъ, пролетѣла мимо.

Алиса съ трудомъ ухватила ребенка, такъ какъ онъ былъ очень причудливое маленькое существо и вытягивалъ ноги и руки по всѣмъ направленіемъ.

„Совсѣмъ, какъ морская звѣзда“, подумала Алиса:

Несчастный малышъ пыхтѣлъ, какъ паровозъ, когда она схватила его и то съеживался чуть ли не вдвое, то опять вытягивался, такъ что въ теченіи первыхъ двухъ минутъ она могла только удерживать его на рукахъ, да и то съ трудомъ.

Какъ только ей удалось изобрѣсти свой собственный способъ, какъ его нянчить (состоявшій въ томъ, что она скрутила его, какъ узелъ и крѣпко прихватила за правое ухо и лѣвую ногу, чтобы онъ опять не вывернулся), она тотчасъ же вынесла его на свѣжій воздухъ.

„Если я не унесу этого ребенка съ собою“, подумала Алиса, „онѣ когда-нибудь убьютъ его. Оставить его—все равно, что убить.

Послѣднія слова она произнесла громко, и малышъ захрюкалъ ей въ отвѣтъ (онъ въ это время пересталъ чихать).

— Не хрюкай,—сказала Алиса,—это совсѣмъ неправильный способъ выразаться.

Ребенокъ опять захрюкалъ, и Алиса съ большимъ беспокойствомъ заглянула ему въ лицо, чтобы узнать, что съ нимъ такое. Не могло оставаться никакого сомнѣнья въ томъ, что у него былъ очень вздернутый кверху носъ, гораздо болѣе похожій на свиное рыльце, чѣмъ на настоящій носъ. Также и глаза у него стали слишкомъ маленькими для ребенка. Все это вмѣстѣ очень не понравилось Алисѣ.

„Но, можетъ быть, онъ не хрюкаетъ, а всхлипываетъ“, подумала она и снова заглянула ему въ глаза, чтобы посмотреть, нѣтъ ли на нихъ слезъ.

Нѣтъ, никакихъ слезъ на нихъ не было.

— Ну, мой милый, если ты превратишься въ поросенка,—серьезно сказала Алиса,—я съ тобой больше возиться не стану. Замѣть это себѣ!

Несчастный малышъ опять всхлипнулъ (или захрюкалъ, невозможно было рѣшить, что это собственно такое было), и они продолжали подвигаться нѣсколько времени въ молчаніи.

Алиса начала, было, думать:

— Что же я буду, однако, дѣлать съ этимъ существомъ, если вернусь домой?—какъ вдругъ это существо захрюкало такъ неистово, что она заглянула ему въ лицо съ нѣкоторымъ беспокойствомъ.

На этотъ разъ не могло быть ошибки относительно его: это былъ ни болѣе, ни менѣе, какъ самый настоящій поросенокъ, и она подумала, что съ ея стороны было бы совершенно дико нести его дальше. Поэтому она спустила маленькое существо на землю и почувствовала освобожденіе, видя, какъ онъ преспокойно потрусилъ рысцой въ лѣсъ.

— Если бы онъ выросъ,—сказала она себѣ,—изъ него вышелъ бы ужасно безобразный ребенокъ, но, какъ поросенокъ, онъ, мнѣ кажется, скорѣе хорошенькій.

И она стала думать о другихъ своихъ знакомыхъ дѣтяхъ, которые отлично могли бы сойти за поросятъ и только что сказала себѣ самой:

Это былъ ни болѣе, ни менѣе, какъ самый настоящій поросенокъ.

— Если бы знать способъ, какимъ обращать ихъ въ поросятъ...— какъ вдругъ слегка вздрогнула отъ испуга, увидѣвъ Честерскаго Кота, сидѣвшаго на суку дерева высоко надъ ея головою.

Котъ ослабился, увидавъ Алису. Она подумала, что видъ у него добродушный, но, все-таки, у него были длиннѣйшіе когти и удивительно много зубовъ, и она почувствовала, что съ нимъ надо обращаться почтительно.

— Честерская Киска,—начала она довольно робко, потому что не была увѣрена, что такое названіе понравится Коту, но онъ только еще немного шире ослабился.

— Вотъ какъ, онъ даже, кажется, очень доволенъ,—подумала Алиса и продолжала:

— Пожалуйста, скажите мнѣ, по какой дорогѣ я должна итти отсюда?

— Это вполне зависитъ отъ того, куда вамъ надо притти,—отвѣтилъ Котъ.

— Мнѣ, собственно, все равно...—сказала Алиса.

— Въ такомъ случаѣ, все равно, какимъ путемъ итти,— произнесъ Коть.

—... если только я куда нибудь приду,—прибавила Алиса, въ видѣ поясненія.

— Куда нибудь да придете, это ужъ навѣрно,—сказаль Коть,—если будете все время итти.

Алиса почувствовала, что отрицать этого нельзя и попробовала задать другой вопросъ:

— А кто здѣсь кругомъ живетъ?

— Въ этомъ направленіи,—сказаль Коть, сдѣлавъ кругообразное движеніе правой лапкой,— живетъ Шляпникъ, а въ этомъ,—онъ сдѣлалъ движеніе лѣвой лапкой,— живетъ Мартовскій Заяцъ. Тотъ самый, съ которымъ сравниваютъ обыкновенно сумасшедшихъ людей, говоря:

„У него буйное помѣшательство, онъ безуменъ, какъ Мартовскій Заяцъ“. Подите къ одному изъ нихъ; они оба безумные.

— Но мнѣ незачѣмъ ходить къ безумнымъ,—замѣтила Алиса.

— Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь,—сказаль Коть.—Мы всѣ здѣсь безумные. Я безумный. Вы безумная.

— Почему вы знаете, что я безумная?—спросила Алиса.

— Вы должны непременно быть бузумной,—сказаль Коть,—иначе вы бы сюда не попали.

Алиса подумала, что это совсѣмъ не могло служить доказательствомъ, но, однако, продолжала:

— А почему вы знаете, что вы безумный?

— Да вотъ, начнемъ хоть бы съ того,—сказаль Коть,—собака не безумна. Вы согласны съ этимъ?

— Да, мнѣ кажется,—отвѣтила Алиса.

— Ну такъ вотъ. — продолжалъ Коть, — вы знаете, что собака ворчитъ, когда сердится и виляетъ хвостомъ, когда

радуется. Ну, а я ворчу, когда радуюсь и виляю хвостомъ, когда сержусь. Это потому, что я безуменъ.

— Я называю это мурлыкать, а не ворчать,— замѣтила Алиса.

— Можете называть, какъ хотите, — сказалъ Коть. — Вы будете сегодня играть въ крокетъ съ Королевой?

— Мнѣ бы очень хотѣлось, — сказала Алиса, — но меня еще не пригласили.

— Вы меня тамъ увидите, — сказалъ Коть и исчезъ.

Алису это не очень удивило, она успѣла уже привыкнуть ко всякимъ странностямъ. Пока она смотрѣла на то мѣсто, гдѣ сидѣлъ Коть, онъ вдругъ снова появился.

— Кстати, что случилось съ ребенкомъ? — произнесъ онъ. — Я забылъ всеѣмъ спросить.

— Онъ превратился въ поросенка; былъ ребенокъ, а сталъ поросенокъ, — отвѣчала Алиса спокойно, какъ если бы Коть вернулся самымъ естественнымъ образомъ.

— Я такъ и думалъ, — сказалъ Коть и снова исчезъ.

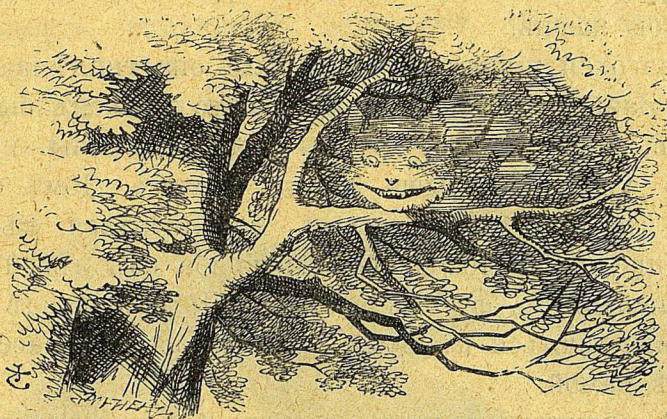
— Почему вы знаете, что я безуменная? — спросила Алиса.

Алиса подождала немного, съ слабой надеждой увидѣть его опять, но онъ не являлся и черезъ минуту или двѣ она пошла по тому направленію, въ которомъ, по данному ей указанію, жилъ Мартовскій Заяцъ.

— Шляпниковъ я и прежде видала,—сказала она самой себѣ.— Мартовскій Заяцъ гораздо интереснѣе и, можетъ быть,

Улыбка еще оставалась нѣсколько времени, когда все остальное уже исчезло.

такъ какъ теперь Май, помѣшательство у него не буйное или, по крайней мѣрѣ, не такое буйное, какое бываетъ въ Мартѣ.

Говоря это, она взглянула вверхъ, и опять Котъ сидѣлъ на вышкѣ дерева.

— Вы какъ сказали: „поросенокъ“ или „пара терокъ“? — спросилъ Котъ.

— Я сказала „поросенокъ“ — отвѣчала Алиса, — и мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы не появлялись и не исчезали такъ часто и такъ неожиданно: отъ этого просто голова можетъ закружиться!

— Хорошо,—сказалъ Коть и на этотъ разъ сталъ исчезать медленно, начиная съ кончика хвоста, и кончая улыбкой, которая еще оставалась нѣсколько времени, когда все остальное уже исчезло.

— Ну, вотъ! Мнѣ часто приходилось видѣть котовъ безъ всякой улыбки,—подумала Алиса,—но одну только улыбку!.. Это самая удивительная вещь, которую я когда-либо видѣла за всю мою жизнь!

Недолго ей пришлось итти, какъ она увидѣла домъ Мартовскаго Зайца. Она подумала, что это долженъ быть именно его домъ, потому что трубы были сдѣланы по образцу заячьихъ ушей, а крыша крыта мѣхомъ. Домъ былъ такъ великъ, что она не рѣшилась приблизиться къ нему, не отгрызя предварительно кусочекъ гриба изъ лѣвой руки и не сдѣлавшись двухъ футовъ ростомъ. Даже и послѣ этого она стала приближаться къ дому съ нѣкоторымъ опасеніемъ, говоря себѣ самой:

— А вдругъ, все-таки, у него буйное помѣшательство! Лучше было бы мнѣ пойти, вмѣсто него, къ Шляпнику.

(Продолженіе слѣдуетъ).

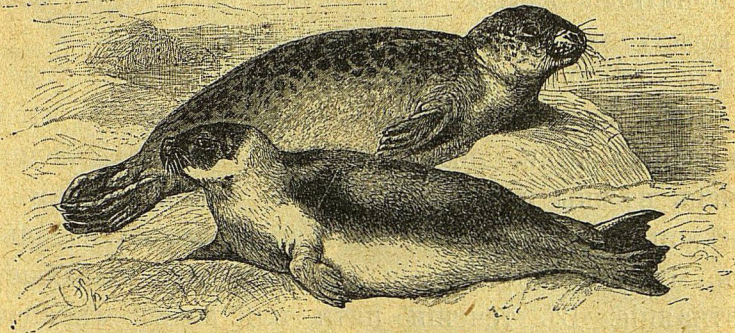

Море.

XVIII.

Тюлени.

Въ моряхъ, усѣянныхъ островами, перерѣзанныхъ на каждомъ шагу землею, китообразные, все время останавливаемые, должны были измѣнить свои привычки и сами измѣниться. Бездомность быстрыхъ движеній и усилій, жизнь,

Тюлени.

лишенная свободы уменьшили ихъ ростъ, превратили ихъ изъ китовъ въ слоновъ. Появился морской слонъ, моржъ и тюлень.

Тюлень, хорошій пловецъ, хорошій рыбоволовъ, живетъ моремъ, но любитъ землю и всю жизнь стремится попасть на нее. На этой землѣ, за скалой, ждутъ его жена и дѣти, и онъ торопится отнести имъ пойманную рыбу. Держа добычу во рту, и не имѣя, какъ моржъ, клыковъ, которыми тотъ помогаетъ себѣ въ пути, тюлень пускаетъ въ ходъ свои конеч-

ности, цѣпляется ими за водоросли, растягивая, напрягая ихъ, какъ можно сильнѣе, такъ что подѣ конецъ онѣ развѣтвляются и на нихъ показываются пять пальцевъ.

Что особенно прекрасно въ тюленѣ, что особенно поражаетъ и трогаетъ, какъ только увидишь его круглую голову, это его умственное развитіе. Ни у одного существа, кромѣ человѣка, мозгъ не развитъ до такой степени. Сходство съ человѣкомъ у тюленя гораздо больше, чѣмъ у обезьяны, которая непріятна и отталкивается своею вѣчной гримасой.

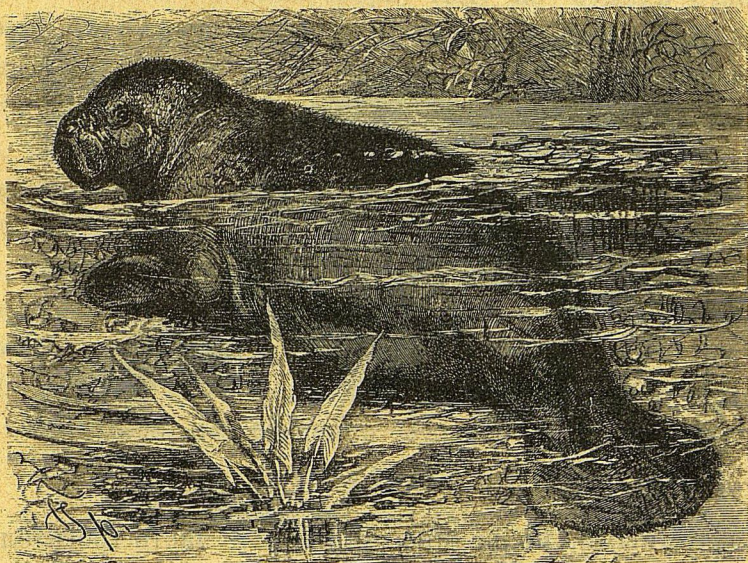
Взглядъ у тюленей немного грустный. Кажется, что они, какъ и человѣкъ, страдаютъ отъ невозможности сообщаться, найти понятный языкъ, отъ вѣчной преграды, возвышающей между ихъ душой и душой человѣка.

Земля—родина ихъ сердца: на ней они рождаются, на ней любятъ. Если ихъ ранять, они спѣшатъ на землю, чтобы тамъ умереть. Они кротки, добрые сосѣди, защищаютъ одинъ другого, очень нѣжны и внимательны къ своимъ женамъ. Самки очень нѣжны и беззащитны. Если имъ дѣлаютъ больно, онѣ плачутъ, мучительно мечутся и взглядъ ихъ выражаетъ глубокое отчаяніе. Въ теченіи пяти или шести мѣсяцевъ онѣ воспитываютъ дѣтенышей, учатъ ихъ плавать, ловить рыбу, выбирать хорошую пищу. У прекрасной породы, ламантиновъ, матери оставляютъ при себѣ дѣтей гораздо дольше. Старшій сынъ находится еще при матери, когда она уже кормитъ второго дѣтеныша. Это необыкновенно нѣжное отношеніе родителей—ламантиновъ къ своимъ дѣтямъ выразилось въ физическомъ превосходствѣ ихъ организаціи. У тюленя, хорошаго пловца, у морского тяжелого слона, рука остается плавнемъ. Она прижата къ туловищу, связана съ нимъ. Она не можетъ отъ него отдѣляться. Но самка ламантина, *водяная мама*, какъ называютъ ее негры, производитъ чудо. Упорнымъ, по-

стояннымъ усиліемъ все освобождается. Неотвязчивая мечта матери приласкать ребенка, взять его, прижать заставляетъ природу изощряться. Связки подаются, растягиваются, даютъ ходъ предплечью, и отъ него лучами расходится, снабженный перепонкою, отростокъ. Это кисть руки.

Ламантина добилась силой своей любви высшаго счастья: она можетъ обнять своего ребенка и прижать его къ груди.

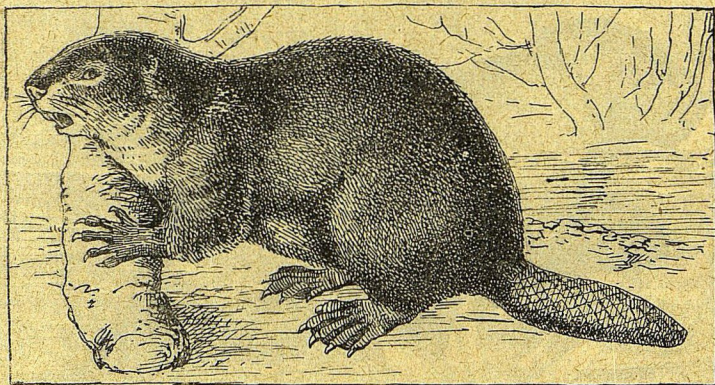

Водяная мама, Ламантина.

Вмѣстѣ съ тѣмъ рука — это органъ всякаго ремесла. Ей остается сдѣлаться болѣе гибкой, помогать зубамъ, какъ это бываетъ у бобровъ, и появится искусство, прежде всего искусство строить убѣжище для семьи. Съ другой стороны становится возможнымъ полное и совершенное воспитаніе дѣтей. Ребенокъ, окруженный ласками и заботами, остается долго

у родителей, достигаетъ среди семейной жизни того возраста, когда уже можетъ перенимать, учиться искусству отца. Все это даетъ возможность совершенствоваться. Животное царство дальше идти не можетъ. Теперь появляется человѣкъ. Казалось-бы, это совершеннѣйшее созданіе природы должно было превзойти животныхъ не только умомъ и изобрѣтательностью, но также добротой и силою любви. Къ несчастью, мы видимъ, что это далеко не такъ. Что дѣлаетъ человѣкъ съ природой

В о б р ь.

и съ ея темными, но великолѣпными и часто трогательными дѣтьми, животными?

Огромное множество животныхъ, жившихъ кроткой разумной жизнью, начинавшею создавать искусства и приближавшею ихъ къ людямъ, въ настоящее время испуганныя, поглупѣвшія, впадаютъ въ самое низкое и грубое животное состояніе. Обезьяны, цари Цейлона, мудрость которыхъ была прославлена въ Индіи, превратились въ ужаснѣйшихъ дикарей. Верховный жрецъ природы, слонъ, загнанный, поработанный, теперь ничто иное, какъ вьючное животное.

Самыя свободныя существа, увеселявшія море въ былыя времена, добрые тюлени, кроткіе киты, мирныя обитатели и гордость океана, все это бѣжало въ полярныя моря, въ ужасный міръ холода и льда. Но не всё изъ нихъ въ состояніи переносить такую суровую жизнь; еще немного, и они исчезнутъ совершенно!

У народа, испытавшаго много страданій, у польскихъ крестьянъ, существуетъ поговорка:

„Кто заставитъ плакать бобра, тому не будетъ счастья“. Бобръ, этотъ замѣчательный художникъ, превратился, благодаря жестокости людей, въ пугливаго звѣрька, который ничего не знаетъ, ничего не умѣетъ. Тѣ, которые еще уцѣлѣли въ Америкѣ, принуждены все время уходить, убѣгать и у нихъ не хватаетъ смѣлости начинать свои постройки и вообще что-нибудь дѣлать. Одинъ путешественникъ нашелъ какъ-то бобра, который далеко, очень далеко, у верхнихъ озеръ, робко принялся было за свое ремесло, хотѣлъ построить жилище для своей семьи.

Когда онъ увидѣлъ человѣка, дерево выпало у него изъ лапокъ. Онъ даже не рѣшался бѣжать и только залился слезами.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вѣсти отовсюду.

День смерти писателя С. Т. Аксакова. 30 апрѣля исполнилось пятидесятилѣтіе со дня смерти Аксакова, автора известной книги „Дѣтскіе годы Багрова - внука“. Аксаковъ родился въ Уфѣ, но жилъ въ Самарѣ и описывалъ Самарскую губернію, такъ что оба города считаютъ его своимъ и

оба собираются многое сдѣлать въ его память. Въ городѣ Уфѣ хотятъ открыть „Аксаковскій народный домъ“.

Самарцы рѣшили купить имѣніе Аксаковыхъ, поправить домъ съ садомъ и устроить тамъ „Кружокъ трудовой помощи“ съ учебными мастерскими. Въ домѣ самарскаго дворянства собираются устроить музей и собрать въ него все, что имѣетъ отношеніе къ Аксакову. При университетѣ учреждается стипендія *) имени писателя. Чѣмъ больше каждый городъ сдѣлаетъ въ его память, тѣмъ лучше, хотя для Россіи и совсѣмъ не важно, уфимцемъ или самарцемъ былъ Аксаковъ. Такіе люди, какъ онъ, принадлежать всей Россіи, и вся Россія по праву можетъ ими гордиться.

Крокодилъ въ запряжкѣ. Человѣку удается мало-помалу подчинять своей волѣ самыхъ непокорныхъ животныхъ. Теперь онъ добрался даже до крокодила. Одинъ человѣкъ, по имени Кэмпбелль, завелъ въ Арканзасѣ (въ Америкѣ) заводъ для разведенія крокодиловъ, чтобы потомъ продавать ихъ въ зоологическіе сады. Вотъ на этомъ-то заводѣ и удалось приучить крокодила къ запряжкѣ.

Сдѣлали особую маленькую телѣжку и впрягли въ нее небывалую лошадь. Крокодилъ сначала возмутился, думали, что онъ разнесетъ экипажъ въ щепки. Но человѣкъ былъ настойчивъ и побѣдилъ.

Теперь Кэмпбелль развѣзжаетъ по всей своей фермѣ на крокодилѣ, а люди не знаютъ, чему больше удивляться: настойчивости человѣка или понятливости животнаго.

---

*) Стипендіей называется ежемѣсячное пособіе учащимся.

Народныя загадки.

20. Шли плотнички,
Безтопорнички,
Срубили горницу,
Безоконницу?
21. Стоитъ горка
Въ красной ермолкѣ;
Кто ни пройдетъ,—
Всякъ поклонится?
22. Летѣлъ пань,
На воду палъ;
Самъ не потонулъ
И воды не замутилъ?
23. Всѣ паны
Скинули золотые и красные жупаны.
Одинъ гордый пань
Не скинулъ зеленый жупанъ?
24. Не крылата,
А перната;
Какъ летить,
Такъ свистить,
А сидить,
Такъ молчить?
25. Сидятъ чернички
Въ темной темничкѣ,
Вяжутъ вязеночки
Безъ иглы, безъ ниточки?

26. Летить птичка крутоносенькая,
Несетъ во рту тафту крутожелтенькую.
Еще та тафта
Ко Христу годна?
27. И малъ, и нагъ,
И со слезами Богу молится?
28. Конь бѣжить,
А оглобли стоятъ?
29. Одинъ лежитъ,
Другой бѣжить,
Третій кланяется?

Шарады.

11. Я безъ хвоста—съ водой,
Съ хвостомъ же—на водѣ,
    Не на морской,
    А на прудѣ.
12. Являюсь лѣтомъ я,
И многіе меня боятся.
Вы букву первую возьмите у меня,—
И стануть мною наслаждаться.

Отъ кохторы редакціи.

1. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко писаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятыя рукописи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копѣчную марку для отвѣта.

3. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовлетворять не можетъ.

4. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногородный на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 коп. До полученія денегъ, контра продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

5. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., и 3-й р. къ 1-му Мая.

6. Желающіе получить рукопись обратно должны присылать почтовые марки для отсылки рукописи заказной бандеролью. Простой бандеролью или на свой счетъ редакція рукописей не отсылаетъ.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по субботамъ въ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

Открыта подписка на 1909 годъ

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

4-й годъ
изданія.

ТРОПИНКА

24 нр.
въ годъ.

Журналъ выходитъ **1 и 15** каждого мѣсяца въ **2—3** печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, стихи, театральныя пьесы, статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарады и загадки.

Въ литературномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе:

К. Вальмонтъ, А. Бахтіаровъ, М. С. Безобразова, А. Блокъ, Л. Бѣльскій, О. Бѣляевская, Л. Василевскій, З. Венгерова, А. Вережниковъ, Е. Волочкова, И. Гинцбургъ, З. Гипсіусъ, С. Городецкій, Ф. Домбровский, О. Дымовъ, Е. Елеонская, К. Ельцова, Вячеславъ Ивановъ, Е. Ивановъ, А. Коваленская, И. Кондурушкинъ, С. Кондурушкинъ, проф. Н. Котляревскій, А. Купринъ, Кл. Лукашевичъ, Д. Маминъ-Сибирякъ, Н. Манасина, Д. Мережковский, В. Малахіева-Мировичъ, Н. Михайловъ, Ю. Насвѣтова, Л. Нелидова, Н. Новичъ, Э. Пименова, В. Подиановъ, А. Ремизовъ, проф. М. Ростовцевъ, М. Сабашникова, К. Соколовъ, Э. Сологубъ, П. Соловьева, (Allegro), С. Соловьевъ, Евг. Соловьева, А. Н. Толстой (Мирза Тургень), В. Успенскій, Н. Шапиръ, Е. Шведеръ, К. Чуковский, О. Чюмина, Е. Юнге и мн. др.

Въ художественномъ отдѣлѣ участвуютъ:

И. Вилибинъ, Т. Гипсіусъ, В. Замирайло, Е. Кавось-Зарудная, Д. Кругликова, А. Линдеманъ, А. Мурашко, М. Нестеровъ, П. Соловьева (Allegro), М. Сабашникова, Е. Чичагова-Россинская, Е. Юнге и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ пересылкой и доставкой **3** руб.,
на полгода **2** руб., за границу **5** руб.

Комплекты 1906 и 1907 гг. всѣ разошлись.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Москва, при конторѣ Печковской, Петровскія линіи.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, площадь Маринскаго театра, № 6.

Телефонъ 297—55.

Редакторы-Издатели Л. Соловьева и Ж. Манасина.